

Олег БУДНИЦКИЙ,

доктор исторических наук, директор Международного центра истории и социологии Второй мировой войны
НИУ «Высшая школа экономики»

АДВОКАТЫ В ИЗГНАНИИ

Из переписки Василия Маклакова и Оскара Грузенберга*

Корреспонденты обменивались довольно резкими репликами по поводу отношения к прошлому и настоящему России. Маклакова особенно раздражали декларации Грузенберга о том, что он «приемлет» русскую историю: «Если Вы большевизма не приемлете, то как же Вы можете говорить, что приемлете всю нашу историю, весь наш народ. Ведь большевизм из истории народа не вычеркнешь». Рассуждая о психологии русского народа, Маклаков писал: «Хорошо, когда граблю я, плохо, когда грабят меня. И это готтентотство выявилося в успехе большевизма в России. Я это тоже «приемлю»; но в этом я вижу не признаки величия, а результат его дикого воспитания»¹.

Русский Маклаков гораздо строже судил русский народ, чем еврей Грузенберг. В ответ на ностальгические-патриотические ламентации Оскара Осиповича о том, что русский народ ему «не по хорошему мил, а по милу хорош», Василий Алексеевич заметил: «Отлично понимаю, что по милу хорош; но если милому можно всё прощать, то было бы большой ошибкой считать хорошим то, что гнусно и отвратительно; и это я отношу не только к большевистской головке, но к известным проявлениям всего народа»².

Раздражение Маклакова вызывали и товарищи по партии: «Когда-то я в шутку предсказывал, что революция есть конец кадетам: первую их половину расстреляют как реакционеров, а вторую повесят как революционеров. Я был гораздо ближе к правде, чем даже сам думал; правда, у кадет остался ещё третий исход: кончить жизнь здесь, жалуясь, что их не оценили»³.

Поправление Маклакова (впрочем, и в России он был самым правым кадетом) вызвало как-то раз реплику Грузенберга: «Кстати или некстати: я совершенно оглох на правое ухо, как Вы на левое (очевидно, и глухота распределяется по политическим антипатиям)»⁴.

Маклаков считал вредной политическую деятельность эмиграции за границей: пользы она России принести не может, а вредна она «прежде всего тем, что требует непременно, чтобы мы облаивали друг друга, позорили и порочили сво-

их противников на глазах иностранцев и большевиков и убивали последние остатки уважения к себе»⁵.

Впрочем, и сам Маклаков не удержался от полемики, правда, не о настоящем, а о прошлом — в воспоминаниях, публикация которых началась в «Современных записках» в 1929 году и в которых было столько же мемуаров, сколько и политической философии. Грузенберг с такой политической философией согласен не был, что его корреспондента не удивило. «По дружбе» Василий Алексеевич сообщил Оскару Осиповичу суть того, к чему сводятся его взгляды на недавнее прошлое России: «Я считаю революцию не только несчастьем для России, ибо она не могла пройти иначе как прошла, но всегда абсолютным несчастьем для всех стран; ибо всегда она либо не нужна и можно было бы обойтись без неё при большом терпении и искусстве, или она вызывает таких духов, вред от которых во много раз больше того зла, с которым революция хотела бороться»⁶.

Переписка — блестящий образец эпистолярного жанра. Формулировки мнений по-адвокатски отточены. Временами кажется (в случае с Маклаковым, нередко диктовавшим свои письма, так оно и было), что это устная речь выдающихся ораторов, перенесённая на бумагу. Письма полны и серьёзной полемики, и шуливой пикировки. Грузенберг иронизировал: «Странно ещё то, что когда Вы меня браните, Вы свои письма печатаете: неужели только для того, чтобы брань не могла быть трактована как непечатная?»⁷.

Однажды Грузенберг, жалуясь на то, что малоразборчивый почерк Маклакова оказался на сей раз совершенно неразборчивым, писал: «Обидно потому, что я Вашими письмами дорожу и их храню, так как нет сомнения, что когда мы оба уйдём, ими заинтересуются историки России»⁸. Полагаю, что письма представляют интерес не только для историков России, но и для той части российского общества, которая не утратила интерес к собственной истории и культуре, блестящими представителями которой были оба корреспондента.

Приведём полностью одно из писем Маклакова, в котором содержится его традиционный прогноз на наступивший 1927 год. Год десятилетия русской революции.

Маклаков — Грузенбергу⁹
Париж, 17-го января 1927

Дорогой Оскар Осипович,

Спасибо за память и весточку. Моя сестра¹⁰ уже третий месяц живёт в Ницце, и я удивлялся, что она никогда не встречала Вас на Набережной. Теперь понимаю, в чём дело: Вы уже придвигаетесь ближе к России¹¹.

Охотно возобновил бы прежний узус¹² и поделился и на этот раз с Вами своими предсказаниями; но нового я Вам ничего не скажу. Потому и намечу эти предсказания только в общих чертах:

Я так понимаю происходящее.

Большевизм перерождается; одни коммунисты становятся заправскими хозяевами, а другие чиновниками; эти две категории и суть хозяева положения. Но заведённые ими самими порядки для них становятся невыгодными, и они постепенно стараются перевести хозяйственный строй на новые рельсы. В этой их перемене им одинаково мешают и их старые слова, и их старые товарищи. На слова они отвечают словами, а старых товарищей либо покупают, либо запугивают. С ними так или иначе можно справиться, и даже довольно быстро. Но труднее справиться не с коммунистами по настроению, а с массой присосавшихся к государственным учреждениям жуликов и лентяев; их можно время от времени расстреливать, но всех их не истребить. Бороться с ними так же трудно, как со взяточниками эпохи Николая I¹³, и бороться можно только совершенно новой политической атмосферой, обращением к общественности, к гласности и т. п. Этим большевизм и должен будет кончиться, и в этом будет его настоящий конец; и наступит это гораздо скорее, чем при Николае I, и не только потому, что тот старый механизм был лучше налажен, но и потому, что, несмотря на все свирепости большевизма, и жизнь, и печать сейчас бесконечно свободнее, чем были при Николае I.

Итак, здесь, в этой общей оценке судьбы большевизма я, как видите, оптимист. Но этот процесс очень долгий, а главное, идущий совершенно помимо нас; мы своим бегством за границу спасли себе жизнь, но своё положение утратили, и навсегда. Ни землевладельцы не вернут себе своих земель, ни промышленники своих фабрик, ни интеллигенты-политики своего тузового положения; не только потому, что они всё-таки стареют и вымирают; но потому, что в России жизнь идёт поми-

*Окончание. Начало см.: Родина. 2014. № 10. Статья подготовлена при поддержке РФНФ, проект № 14-01-00135.

мо них, забывая о них и во всяком случае не получая от них никакой пользы; большевизм выпирается из России, но вовсе не руками эмиграции. И те, кто выгоняют этот большевизм, делают это исключительно во имя своих собственных интересов и потому отнюдь не захотят делиться с другими плодами своей победы; конечно, эта победа над коммунизмом в России будет для эмиграции приятна и выгодна; эмиграция сможет столкнуться с победителями, к ним пристроиться и даже кое-что от этой победы получить; фабрикант может стать на своей бывшей фабрике спец-ом, а может быть, даже и пайщиком; но он никогда не станет хозяином. Так, Милуков¹⁴ может быть будет допущен профессором или даже журналистом; он будет совершенно искренне поддерживать в печати большевистских реформаторов, но и только; и это, конечно, будет настолько громадный успех, сравнительно с тем, что есть, что наше теперешнее скитание с этого момента можно будет считать поконченным.

Я знаю, что у нас многие ожидают другого и большего и мечтают о реставрации, понимая её каждый по-своему, даже друг друга обличая, но одинаково мечтая именно о реставрации; торгово-промышленники¹⁵ обличают Николая Николаевича¹⁶ за его мечты о престоле, но зато рассчитывают получить обратно свои фабрики; Милуков же обличает торгово-промышленников за эти мечтания, но мечтает о реставрации Учредительного собрания или по крайней мере газеты «Речь»¹⁷. Все эти мечтания одинаковы и того же пошиба; и во всём этом роковые последствия нашего исторического воспитания, от которого мы не можем отделаться; нам по сю пору продолжает слепить глаза французская

революция, из которой мы не только научились ждать Бонапарта с такой же верой, с какой евреи ждут Мессию, но даже быть уверенными, что революция непременно кончается реставрацией. Мы забываем только, что французская реставрация была навязана иностранцами и не была бы никогда осуществлена во Франции без них. Такого же конца большевизма в России не может быть, хотя бы потому, что Европа больна сейчас той же болезнью, что и Россия. Французская революция уничтожила во Франции тот порядок, который Европа давно переросла и потому революция для Европы не была опасна; в начале её была та ридикулярная¹⁸ интервенция Австрии и Пруссии, которую можно приравнять с интервенцией англичан и французов на севере и юге России. Делалось это больше во имя старых связей с разрушенным режимом, личного интереса в этом было мало, на интервенцию смотрели как на военные прогулки, и потому отказались от них при первом затруднении. Настоящая интервенция Европы была против Наполеона, но и то только потому, что Наполеоновская Франция была Европе опасна как государство. Франция раздражала Европу и своей внешней мощью, и своей прогрессивностью, и потому и Европа справилась с Наполеоном, так же, как она справилась с Вильгельмом II. Все понимали, что речь идёт не о военной прогулке и не о борьбе с принципами, а просто об очень реальной внешней опасности для всех. И была настоящая война независимых государств друг с другом. Этих мотивов нет в отношении Европы к России. Как государство Россия никому не страшна. Воевать же с ней как с расадницей революции Европа не станет, как она не воевала из-за этого и во Франции;

и тем более не станет, что та же революция грозит и каждой стране, чего не было в эпоху французской революции; стоит представить себе, какую услугу коммунистическим партиям в Европе оказало бы то правительство, которое навлекло на страну все тяжести войны, исключительно для того, чтобы восстанавливать порядки в России, чтобы понять, что эта интервенция абсолютно невозможна, а раз Россия должна будет изжить свою болезнь сама, своими внутренними силами, то о никакой реставрации речи быть не может, ни политической, ни экономической, ни даже интеллигентской; во главе России будет что-то новое, что вырастает там; нам всем будет единственный выбор, к этому новому пристроиться. Потому наши золотые дни к нам никогда не вернуться, свои возможности и своё счастье мы, как всегда, оценили только когда его потеряли, и нам остаётся это признать и с этим примириться.

Таким образом, наряду с оптимизмом у меня много личного пессимизма, но, конечно, его я никому не навязываю.

Привет Р. Г.¹⁹ и желаю Вам обоим счастливого нового года.

Прогноз Маклакова относительно механизма перерождения большевизма оказался в целом верен. Не ошибся он и в том, что эмиграции никакой роли сыграть в России не придёт. Ошибся он в другом — вернуться эмигрантам на родину было не суждено. То, что он счёл началом агонии большевизма, растянулось ещё на 60 с лишним лет. В Россию эмигранты вернулись, перефразируя известную строку Георгия Иванова²⁰, текстами, которые заслуживают изучения и осмысления.

Примечания

1. Маклаков — Грузенбергу. Б. д. // НИА. 8-2.
2. Маклаков — Грузенбергу. 15 февраля 1933 // НИА. 8-3.
3. Маклаков — Грузенбергу. 16 января 1928 // НИА. 8-1.
4. Грузенберг — Маклакову. 20/21 ноября 1935 // НИА. 8-4.
5. Маклаков — Грузенбергу. 26 января 1928 // НИА. 8-1.
6. Маклаков — Грузенбергу. 13 апреля 1929 // НИА. 8-2.
7. Грузенберг — Маклакову. 19 февраля 1933 // НИА. 8-3.
8. Грузенберг — Маклакову. 19 февраля 1933 // НИА. 8-3.
9. НИА. 8-1. Машинопись. Копия.
10. Маклакова Мария Алексеевна (1879–1957), незамужняя сестра В. А. Маклакова, его «домоправительница». В Париж приехала в 1917 г. вместе с братом. Общественный деятель. Председатель Комитета временной помощи русским во Франции. Одна из основательниц Русской гимназии в Париже в 1920 и председатель её попечительского совета. Председатель Общества просвещения беженцев из России (1921) и Общества помощи детям беженцев из России. Товарищ председателя Комитета общественной для русских детей при Главном управлении Российского общества Красного Креста (РОКК). Член совета Российского музыкального общества за границей (1931–1934). Член правления Московского землячества

- (1935–1938). Организатор многочисленных благотворительных мероприятий.
11. Грузенберг в 1926 г. переселился в Ригу.
12. Узус (лат. usus) — обычай, обыкновение.
13. Николай I предпринял ряд законодательных инициатив для борьбы со взяточничеством, да и лично пытался время от времени наводить страх на мздоимцев и бюрократов. По словам В. О. Ключевского, «он сам лично ревизовал ближайшие столичные учреждения: бывало, налетит в какую-нибудь казённую палату, напугает чиновников и уедет, дав всем почувствовать, что он знает не только их дела, но и их проделки». Однако же серьёзных успехов в борьбе со взяточничеством в царствование этого императора достигнуто не было.
14. Милуков Павел Николаевич (1859–1943), историк, приват-доцент Московского университета; признанный лидер партии кадетов, депутат 3-й и 4-й Государственных Дум. Министр иностранных дел в первом составе Временного правительства. После Октябрьского переворота уехал на Дон. Автор декларации Добровольческой армии. Летом 1918 г. выступил за германскую ориентацию. Поскольку ЦК партии осудил его политику, сложил с себя обязанности его председателя. В октябре 1918 г. призвал свою ошибку и вернулся к «союзнической» ориентации. С конца 1918 г. — в эмиграции, сначала в Румынии, затем в Лондоне. С 1920 г. жил

- в Париже. С 1921 г. главный редактор газеты «Последние новости» (1920–1940). Основатель и лидер Республиканско-демократического объединения (1924). Постоянный оппонент В. А. Маклакова.
15. Имеются в виду члены Российского финансово-торгового и промышленного союза. Создан 27 февраля 1920 г. на учредительном собрании в Париже, ставил задачей объединение русских торгово-промышленных и финансовых деятелей и организаций в целях восстановления хозяйственной жизни России. После падения Крыма союз объявил, что принимает на себя защиту и представительство общих экономических интересов России, а также оказание материальной и правовой помощи беженцам из России. Пытался организовать продовольственную помощь участникам Кронштадтского восстания. Созвал в мае 1921 г. Общий съезд русской торговли и промышленности в Париже, а также экономические совещания в Париже 20–23 февраля 1928 г. и 7–11 апреля 1930 г. Впоследствии деятельность Союза ограничивалась анализом внутренней жизни советской России, выступлениями в защиту российских интересов и критикой большевизма. Последнее документальное упоминание о деятельности союза относится к 1930 г.
16. Николай Николаевич Младший (1856–1929), великий князь, внук императора Николая I, двоюродный дядя императора Николая II, генерал от кавалерии.

- В Первую мировую войну — Верховный Главнокомандующий (1914–1915 и 2–9 марта 1917 г.), наместник на Кавказе и главнокомандующий Кавказским фронтом (1915 – 2 марта 1917 г.). В эмиграции с 1919 г. в Италии, с 1922 во Франции. С 1924 г. возглавлял Русский общеиоинский союз. Некоторыми кругами эмиграции рассматривался как вождь, способный сплотить антибольшевистские силы, и как кандидат на престол.
17. Газета «Речь» — центральный орган партии кадетов в 1906–1917 гг. Редакторами газеты были И. В. Гессен и П. Н. Милуков. Была закрыта большевиками на следующий день после захвата ими власти. Выходила под разными названиями («Наша речь», «Свободная речь», «Век», «Новая речь», «Наш век») до августа 1918 г., когда была окончательно запрещена.
18. Ридикулярная (от франц. ridicule) — смешная, нелепая.
19. Р. Г. — Роза (Рахиль) Гавриловна Грузенберг (урождённая Голосовкер) (1867–1941), жена О. О. Грузенберга.
20. Напомню строки из «Посмертного дневника» Георгия Владимировича Иванова (1894–1958), ставшие символом литературного и интеллектуального «возвращения» эмиграции на родину: *Хожденье по мукам, что видел во сне — С изгнанием, любовью к тебе и грехами. Но я не забыл, что обещано мне Воскреснуть. Вернуться в Россию — стихами.*